

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

1998 № 2

К 70-летию
Дома Плеханова

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

№ 2

1998 год

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 номеров в год

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

К 70 - летию Дома Плеханова

Обращение
К. Бато-Плеханова

Дом Плеханова:
1928-1998

Переписка
Н. С. Русанова

Воспоминания
В. О. Левицкого

Материалы
и документы ЦХИДК
о Г. В. Плеханове

Письма
А. И. Балабановой

Ф. И. Дан -
В. И. Засулич

Дневниковые записи
Р. М. Плехановой

Из семейной хроники
Плехановых

Учредители:
Федеральная архивная
служба РФ, Трудовой
коллектив журнала
«Исторический архив»

«История-Сервис» ©

Россия 129256,
Москва,
ул. Вильгельма Пика,
д.4, корп. 2
Тел./факс: 181-17-52

2001-2360/2

«МНЕ НЕ РАЗ ПРИХОДИЛОСЬ СЛЫШАТЬ ПЛЕХАНОВА...»

Из воспоминаний В. О. Левицкого

Владимир Осипович Левицкий (наст. фамилия Цедербаум) (1883-1941), также как и П. Б. Аксельрод, оставил свое «Пережитое и передуманное» - замечательные воспоминания «За четверть века. 1892-1917» (М.-Л., 1926-1927). Однако в полной мере осуществить свой замысел - представить по личным впечатлениям, вначале свидетеля, а потом и непосредственного участника событий, двадцатипятилетнюю историю социал-демократического движения и партии в России - автору не удалось. В печати появились только две части первого тома, завершавшегося событиями конца 1903 г. Публикуемые «Странички воспоминаний» можно рассматривать как своеобразный эскиз второго, ненаписанного тома.

В. О. Левицкий принадлежал ко второму поколению российских социал-демократов. Он родился в год создания группы «Освобождение труда», положившей начало распространению марксизма в России. Быстрому формированию его социал-демократических убеждений способствовали особенности семейного воспитания и домашней обстановки. Сложившийся в детстве «бессознательный революционаризм» (его собственное выражение), был следствием впечатлений, полученных от наблюдения отдельных эпизодов революционной деятельности старших - брата Юлия (Ю. О. Мартова) и сестры Лидии (Л. О. Канцель-Дан). Атмосферой революционности были окутаны детские игры, в которые Володя играл со своим вторым старшим братом Сергеем (С. О. Ежов-Цедербаум): в них фигурировали бомбы, аресты, нелегальные типографии. О таких элементах конспиративной деятельности, как организация транспорта нелегальной литературы, шифровка и дешифровка писем, принципы конспирации, Левицкий имел реальное представление уже в 13 лет.

К этому же времени относится его знакомство с социал-демократической литературой. Первым опытом литературной работы Левицкого явился осуществленный в 1900 г. перевод «Манифеста Коммунистической партии» (плехановское издание 1882 г. оставалось библиографической редкостью), с которым он выступил в нескольких студенческих кружках. В старших классах гимназии он развернул самостоятельную революционную деятельность, став одним из руководителей гимназического движения в Петербурге.

В 1901 г. Владимир Осипович был арестован (уже второй раз), по делу организации общестуденческой демонстрации 19 февраля, и выслан в Двинск. Находясь под надзором полиции, Левицкий в 1901-1903 гг. вел нелегальную партийную работу на юге России (Кременчуг, Полтава, Харьков, Екатеринослав) в качестве агента газеты «Искра». В этот период он дважды подвергается аресту и тюремному заключению на несколько месяцев.

Важным этапом в жизни Левицкого стал прожитый в Женеве 1904 год, когда он сделал окончательный выбор, связав свою политическую судьбу с меньшевизмом: в октябре он был кооптирован в руководящий центр меньшевиков, а после возвращения в Россию в 1905-1907 гг. работал в составе Петербургского объединенного комитета РСДРП.

В межреволюционный период имя Левицкого приобрело широкую известность в меньшевистских кругах благодаря многообразной практической деятельности в легальных рабочих организациях (рабочих клубах, профсоюзах, социал-демократической фракции III и IV Думы, кооперативах) и выступлениям в партийной печати. Он активно сотрудничал в ряде меньшевистских периодических изданий: «Наша зоря», «Наше дело»,

«Дело», «Возрождение», «Голос социал-демократа», «Луч», принимал участие в подготовке к печати 5-томника «Общественное движение в России в начале XX века».

Необходимость осмысления итогов революции, причин наступившего после ее поражения кризиса в партии и рабочем движении, поставила на повестку дня вопросы партийного строительства. В развернувшейся в 1909 - 1913 г. на страницах партийных изданий полемике Плеханов выступил оппонентом Левицкого. Считая одной из главных причин кризиса в партии несостоятельность старого организационного партийного аппарата с его основным структурным элементом - интеллигенцией, последний развивал в своих статьях идею создания новой рабочей политической партии на почве легальной политической деятельности. Прежние организационные формы партии, соответствующие характеру нелегальной, «подпольной», деятельности и основанные на принципах строгой конспирации, централизации, он находил неприемлемыми для новых политических условий, сложившихся в России, с возникновением парламента (Госдумы). Именно с думской деятельностью партии (подготовка и проведение избирательных кампаний, выборов и т. д.) Левицкий, по аналогии с западноевропейскими социал-демократическими партиями, связывал решение таких актуальных для русского рабочего движения задач, как развитие политического образования, воспитания, творчества, самодеятельности рабочих. Обосновывая и пропагандируя реформистские идеи преобразования партии и ее деятельности по западноевропейскому образцу, Левицкий, наряду с А. Н. Потресовым, становится одним из лидеров возникшего в меньшевизме «ликвидаторского течения».

Плеханов, подвергнув резкой критике тезис о необходимости отказа от старых организационных форм, взял под защиту «подполье». И в ряде его статей этого периода имя Левицкого (наряду с именами Е. Маевского и С. Ежова) упоминается почти как нарицательное, как своеобразный символ идеи «ликвидаторства».

В 1912 г. Владимир Осипович был арестован и выслан под надзор полиции в Псков. В годы Первой мировой войны Левицкий отстаивал оборонческие взгляды, сближаясь во многих вопросах с позицией Плеханова. Признавая империалистический характер войны, он, тем не менее, считал правомерной постановку вопроса о национальной обороне в двух случаях: во-первых, если лозунг «защиты отечества» соответствует интересам демократии собственной страны и мира в целом; во-вторых, если речь идет о стране, подвергшейся нападению. Левицкий входил в оборонческую группу Потресова «Самозащита», в 1916 г. принял участие в сборнике под одноименным названием. С 1915 г., работая в составе московской меньшевистской организации, являлся советником рабочей группы Московского военно-промышленного комитета.

После Октябрьской революции Левицкий находился в оппозиции к политике ЦК меньшевиков и в 1919 г. вышел из партии. В 1920 г. Владимира Осиповича арестовывают по делу «Союза возрождения России» и приговаривают к заключению в концентрационном лагере. В 1921 г. последовала амнистия, затем - новый арест и освобождение.

До конца 20-х гг. Левицкий занимался литературным трудом: написал два биографических очерка в рамках подготовки материалов к биографическому словарю русских революционеров (Б. А. Гинзбург-Кольцов, Б. С. Цетлин-Батурский), ряд статей и брошюр по истории революционного движения и воспоминания. С конца 20-х гг. Владимир Осипович неоднократно осуждался, более 10 лет провел в тюрьме и ссылке, а в 1941 г. был расстрелян в новосибирской тюрьме.

Личность, идеи Георгия Валентиновича оказали заметное влияние на формирование социал-демократических убеждений Левицкого, и он не раз в своей литературной деятельности обращался к проблеме осмысления роли и места Плеханова в русском социал-демократическом движении. В июне 1918 г., в связи со смертью Плеханова, Владимир Осипович написал два небольших очерка революционной и общественной деятельности Плеханова. В особенности один из них, напечатанный в журнале «Дело» (1918, № 11-12),

отмечен глубокими размышлениями автора о трагическом пути Плеханова-социал-демократа и судьбе его учения в России.

В этом же ряду стоят «Странички воспоминаний», написанные, вероятно, в середине 20-х гг. для публикации в одном из сборников «Группа Освобождение труда» (последний сборник вышел в 1928 г.). На рукописи имеется примечание Л. Г. Дейча, сделанное, по-видимому, при просмотре документов своего архива: «Настоящий очерк я получил, когда редактировал сборники Группы Осв[обождение] Труда, не помню в каком году и отправил, в числе других статей, в один из ближайших к выпуску номеров, в ГИЗдат, но последнее почему-то не согласилось признать его подходящим. Мне неизвестно, удалось ли автору поместить этот интересный очерк в каком-нибудь журнале. Л[ев] Д[ейч]. 1939 г.».

Воспоминания Левицкого представляют описание лишь нескольких эпизодов из партийной жизни - выступлений Плеханова на рефератах и собраниях в Женеве в 1904 г., работы Женевской конференции меньшевиков в 1905 г., Стокгольмского съезда РСДРП в 1906 г. и личной встречи в составе группы делегатов в 1917 г., - в которых он, будучи непосредственным действующим лицом, имел возможность наблюдать «своего героя». Образ Плеханова, нарисованный с глубоким психологизмом на страницах этого небольшого очерка, совершенно чужд тому привычному, сложившемуся в ряде воспоминаний представлению о Плеханове, как мэтре, законоучителе, человеке с большим чувством сомнения (например, воспоминания М. Горького, В. Валентинова). Владимиру Осиповичу, не принадлежавшему к числу близких знакомых и единомышленников Плеханова и даже, в определенный момент, выступавшему в качестве его политического противника, удалось раскрыть, на мой взгляд, существенную черту личности Плеханова - преданность делу пролетариата.

Несмотря на краткость и эпизодичность «Страничек», они отличаются цельностью изложения, происходящей от способности мемуариста в сжатой, но емкой форме воссоздать общий фон описываемых событий, сложную и противоречивую атмосферу политической жизни в партии с фракционными разногласиями и внутренней борьбой отдельных течений. Воспоминания, хотя и основаны на личных впечатлениях, обладают, тем не менее, весьма ценным для такого рода источников качеством - достоверностью в изложении фактов. Например, имеющееся в воспоминаниях описание работы Стокгольмского съезда, даже в количественных подробностях, подтверждается изданными протоколами. В этой связи особую значимость приобретает интересный и содержательный с фактической точки зрения рассказ о Женевской конференции меньшевиков, протоколов которой не существует. Таким образом, публикуемые воспоминания являются важным источником для изучения как биографии Плеханова, так и истории российской социал-демократии в целом.

Воспоминания хранятся в архиве Л. Г. Дейча (РНБ. АДП. Ф.1097. Ед. хр. 855) и представляют рукопись в 22 листа (автограф Левицкого) с редакционной правкой Дейча, носящей стилистический характер. Воспоминания публикуются по автографу, без учета редакционной правки. В содержание одного из примечаний включен текст единственного хранящегося в Доме Плеханова письма Левицкого к Георгию Валентиновичу.

Публикацию подготовила М. В. ПРОНИНА.

В. О. Левицкий

Странички воспоминаний. Г. В. Плеханов

В предлагаемой читателю заметке я меньше всего намерен изобразить во весь рост замечательную фигуру основоположника марксизма в России и отца российской социал-демократии. Для этого мое знакомство с ним было, прежде всего, недостаточно близко, и встречал я его слишком мало. Но мне думается, что мои беглые и отрывочные впечатления от встреч с Г[еоргием] В[алентиновичем] в

небезынтересный материал, характеризующий его как политического деятеля и человека, и, вместе с другими воспоминаниями лиц, более близко его знавших и более тесно с ним соприкасавшихся, будут содействовать собиранию данных для полной его биографии и характеристики. Даже некоторые мелочи, на которых мне придется невольно останавливаться, представляют, на мой взгляд, нелишние штрихи, характеризующие в том или другом отношении эту многогранную и разностороннюю личность.

Молодым, зеленым юношей попал я в начале 1904 года за границу, в Женеву, где жил Плеханов¹. Для людей моего поколения личность Плеханова была окружена ореолом; казалось, она стояла на высоком пьедестале, недостижимом для «малых сих». В нашем сознании его имя связывалось с блестящей победой марксизма над народничеством, с открытием пути для социал-демократического движения в России, с поддержанием традиций научного социализма и с решительной борьбой против всевозможных уклонов от последнего. И потому вполне естественным было мое сильное желание, если не познакомиться лично, то хотя бы увидеть и услышать Плеханова. Но это оказалось не так просто сделать: момент для этого был не особенно благоприятен.

Партия переживала в это время тяжелые дни. Всего несколько месяцев прошло со второго съезда², расколовшего ее и резко разделившего всю социал-демократическую эмигрантскую колонию на два лагеря, большевиков и меньшевиков, враждебно и с недоверием относившихся друг к другу.

Г[еоргий] В[алентинович], как известно, вначале был на стороне большевиков³. Но уже вскоре после съезда, исходя из соображений о необходимости сохранить единство партии, он сделал шаг по пути к сближению с меньшевиками, пригласив в состав редакции «Искры»⁴ лидеров последних: Мартова, Аксельрода, Засулич и Потресова⁵, что послужило поводом к разрыву с ним Ленина и фракции большевиков⁶.

Начав практически работать вместе с меньшевиками, Плеханов не стал еще, однако, меньшевиком: он не разделял всех их взглядов по организационному вопросу, которые заставили его оказаться на съезде в противоположном им лагере⁷. По-видимому, не прошли еще также горечь, накопившаяся с момента раскола в связи с вызванной им полемикой, и охлаждение в личных отношениях с другими членами редакции. Вероятно, этим следует объяснить то, что в первые месяцы моего пребывания в Женеве Плеханов не появлялся на собраниях меньшевистского «клуба», на которых лидеры фракции развивали перед эмигрантами и приезжавшими из России практиками свои взгляды, критикуя вместе с тем позиции враждебной фракции. Не посещал также Плеханов в этот период и публичных собраний, устраивавшихся обеими фракциями или другими партиями (социалистами-революционерами, анархистами) и не выступал с собственными докладами или лекциями^а.

Но Плеханов отличался слишком боевой натурой, чтобы долгое время оставаться «в стороне от драки»; он слишком связан был с партией, чтобы предоставлять ее собственной судьбе, не пытаясь оказывать на нее личное воздействие. И вот однажды стало известно, что Г[еоргий] В[алентинович] намерен посетить очередное заседание

^а Отчасти это, может быть, объяснялось и состоянием здоровья Г[еоргия] В[алентиновича]. Постоянно прихварывавший, Плеханов очень болезненно переживал раскол; здоровье его в это время значительно ухудшилось; он редко выходил по вечерам из дому и избегал посещения собраний (примеч. автора).

меньшевистского клуба. На этом собрании я впервые увидел и услышал Плеханова.

Я не буду останавливаться на описании наружности Г[еоргия] В[алентиновича], много раз уже изображенной. Скажу только, что на первый взгляд она показалась мне немного «буржуазной», не вполне соответствовавшей моему юношескому представлению о вожде революционной пролетарской партии. Но это несколько неблагоприятное впечатление сразу же изгладилось, как только Плеханов начал говорить. В этот вечер он был, что называется, «в ударе». В начале собрания он как будто чувствовал себя не совсем ловко среди большого количества мало или совсем незнакомых ему товарищей (присутствовало человек 50, почти все из России, незнакомые лично Г[еоргию] В[алентиновичу]). Он внимательно прислушивался к происходившим прениям, не проявляя признаков намерения выступить. Но вот он попросил слова, и все собрание насторожилось. Я не помню в настоящее время содержания речи Г[еоргия] В[алентиновича], но у меня сохранилось определенное впечатление от первого его выступления, которое мне довелось услышать. В этой его речи проявились многие стороны ораторского дарования Плеханова. Она была в высшей степени остроумна, вся она искрилась блестками свежего и сочного юмора, уничтожавшего противника, [была] пересыпана анекдотами, прибаутками и цитатами из любимых Г[еоргием] В[алентиновичем] авторов: Щедрина и Успенского⁸. Но весь этот юмор, остроумие, добродушные шуточки составляли только блестящую оправу для очень серьезного содержания, которое усваивалось так легко именно благодаря изящной, удобопонятной форме, в которой оно преподносилось.

Уже после этой первой, выслушанной мною речи Г. В. Плеханова, мне стала ясна причина его обаяния, как оратора. Наряду с изяществом формы и остроумием, речь его отличалась необычайной простотой и убедительностью. Мне не раз впоследствии приходилось слышать Плеханова, и всякий раз меня поражало его умение удивительно просто излагать самые сложные мысли. В этом отношении интересно провести сравнение между Плехановым и другими вождями меньшевиков того времени. Выступления П. Б. Аксельрода, ни в какой мере не обладавшего ораторскими талантами, всегда были полны глубины и представляли тонкую ажурную работу аналитической мысли; они будили мысль, заставляя над многим критически задуматься и толкая к самостоятельному мышлению. Но они не давали чего-нибудь цельного, отдельные, высказываемые им идеи не всегда были связаны видимым для слушателя единством и последовательностью; они требовали от него напряженного внимания и дополнительной самостоятельной работы мысли. Мартов давал в своих речах и докладах глубокие и сложные синтетические концепции и умел находить слабые, уязвимые места своих противников, но сжатость его изложения и насыщенность содержания в его выступлениях лишали часто слушателей возможности следить за всеми изгибами его мысли, и отдельные звенья последней пропадали для них. Речи Дана⁹ были гладки, логичны и убедительны, но, за редкими исключениями, они отличались некоторой сухостью; в них не чувствовалось внутреннего подъема и ораторского пафоса; они могли убеждать, но не вдохновлять, поднимать. Речь Троцкого¹⁰ - в то время меньшевика - была ядовита и остроумна, образна и красочна; говорил он с большим воодушевлением и способен был зажигать сердца. Как оратор он производил сильное впечатление, но впечатление это оставалось довольно поверхностным и непродолжительным,

благодаря яркой, ослепительной форме речи, которая слишком часто поглощала содержание, оттесняя его на задний план.

Совсем не то было у Плеханова: внешняя форма его речи поразительно гармонировала с содержанием. Он не пытался достигнуть неосуществимого: вложить в одну речь всю свою исключительную эрудицию, все богатство своих мыслей. Каждая его речь заключала в себе меньшее количество отдельных самостоятельных идей, чем речь Аксельрода или Мартова, но зато те идеи, которые он в нее вкладывал, излагались настолько всесторонне, столь исчерпывающим образом, что, к ней, казалось, нечего больше прибавить, и от нее нельзя чего-либо убавить. Каждая речь Г[еоргия] В[алентиновича] была законченным художественным произведением. Мысль, отточенная, как сталь, вставленная в блестящую оправу формы, представляла перед слушателями во всей своей обнаженности, слепила своей ясностью, заражала убедительностью, захватывала логической непрерываемостью, сама собой внедрялась в сознание слушателей, почти без всяких усилий с их стороны. После любой речи Плеханова, о чем бы он ни говорил, невольно рождалась мысль: да ведь это ясно, как день, как это раньше мне самому не приходило в голову.

В этой простоте и убедительности речи Плеханова был секрет его обаяния, как оратора, его силы, как вождя. Он был не пламенным агитатором, зажигающим массы порывом своего настроения, пламенностью своего темперамента, но пропагандистом-художником, учителем, захватывавшим аудиторию безукоризненной логикой, красотой и изяществом своей речи и заражавшим слушателей пафосом своей строго логической мысли.

Кстати, о «пафосе» Плеханова. Нас, россиян, вначале несколько шокировала французская манера речи Г[еоргия] В[алентиновича] с рассчитанной жестикующей и ораторскими приемами повышения и понижения голоса в определенных местах. Это немного расхолаживало, производя порой впечатление искусственности. Но это было только внешнее впечатление; за этими внешними приемами оратора всегда чувствовалась страсть, если не всегда настроения и непосредственного чувства, то всегда пафоса интеллекта, сдерживаемого сильной волей политика, который сознательно и беспощадно бил в уязвимые места противника и умело подчеркивал свои собственные выигрышные места.

После этого первого появления в клубе Плеханов стал довольно часто посещать его собрания и его активные выступления в защиту позиции меньшевиков как на этих собраниях, так и на страницах «Искры»; немало содействовали привлечению в ряды меньшевистской фракции немалого количества товарищей. Ибо для очень многих русских практиков авторитет Плеханова стоял настолько высоко, что его солидаризация с меньшевиками была последней гирей, перевесившей на чашке весов все их сомнения и колебания.

Особенно тесным стало сотрудничество Г[еоргия] В[алентиновича] с меньшевиками в конце 1904 года, когда в России ясно обозначился новый подъем революционного движения, вызвавший заметное оппозиционное брожение среди имущих классов. Плеханов выступил тогда со своими двумя письмами о «земской кампании», в которых отстаивал необходимость для рабочего класса и социал-демократии поддерживать либеральное земское движение путем выступлений рабочих и представителей партии на земских собраниях и либеральных банкетах, в целях «толкания буржуазии влево» и давления на нее в сторону выставления более демократических требований. Этот «тактический» план «Искры» вызвал серьезные разногласия среди меньшевиков; в частности, он послужил непосредственным поводом к

отходу от них Троцкого и Парвуса¹², которые до того времени всецело солидаризировались с меньшевиками. На двух больших собраниях в Женеве план «земской кампании» оживленно дискутировался¹³. Против него с ожесточенной критикой выступили Ерманский¹⁴ и Семковский¹⁵; в защиту его, наряду с Мартовым, Даном, Мартыновым¹⁶ и Аксельродом, выступил с блестящими и убедительными речами Плеханов. Собрания эти, как и весь этот вопрос, сыграли очень большую роль в истории фракционных разногласий и партийного раскола, так как они впервые провели водораздел между фракциями в области тактических вопросов, тогда как до этого времени разногласия вращались преимущественно в кругу чисто организационных вопросов.

К сожалению, уехав из Женевы в конце 1904 года, я не присутствовал на вечеринке меньшевиков, устроенной под Новый год. Товарищи, бывшие на ней, рассказывали о том сильном впечатлении, какое произвело на них выступление Г[еоргия] В[алентиновича] в этот вечер. Говорят, он был в совершенно необыкновенном для него настроении. Отголоски поднимавшейся в России революции докатывались и до эмиграции. Ведь то был канун революционного 1905 года, начавшегося возглавленным Гапоном массовым движением петербургских рабочих и расстрелом 9 января¹⁷. Плеханов, под влиянием общего подъема, захватившего и его, сбросил с себя в этот вечер присущую ему суровость и свой обычный несколько официальный тон в отношении к партийным товарищам. Он был непринужденно весел и запросто шутил и смеялся. По просьбе товарищей, он стал делиться своими воспоминаниями о прошлом. По словам товарищей, он нарисовал в высшей степени яркую захватывающую картину первых лет существования заграничной группы «Освобождение труда»¹⁸, буквально голодавшей и прибегавшей для поддержания своего существования к непривычному для ее членов физическому труду. И притом, в атмосфере отчужденности и враждебного отношения большинства эмиграции, которая, в лице остатков народолюбцев, видела в первых русских социал-демократах изменников революционному движению. Но так сильна была вера в правоту своих идей и в свою историческую миссию этой маленькой кучки людей, свободно умещавшейся, по выражению Г[еоргия] В[алентиновича], на маленькой лодочке, что они мужественно переносили физические лишения и моральные страдания и сумели взрастить и пронести через самые мрачные годы общественной и политической реакции идеи, которые спустя полтора десятка лет получили самое широкое распространение и признание в революционной среде. Закончил свои воспоминания Г[еоргий] В[алентинович] воодушевленным призывом к более молодым товарищам верить в торжество социал-демократических идей в России, жизненность которых доказывается уже тем фактом, что, зародившись в столь неблагоприятных условиях, они в короткое время разлились широким потоком по нашей родине. Лица, много раз слышавшие Плеханова, говорили, что никогда не видели его говорившим с таким подъемом, никогда не слышали из его уст более проникновенной и вдохновенной речи. Было бы очень желательно, чтобы кто-нибудь из присутствовавших на этой вечеринке, поделился своими воспоминаниями о ней и передал, насколько возможно подробно, речь на ней Плеханова.

Из публичных докладов Плеханова за этот период я вспоминаю только один: о международном социалистическом конгрессе в Амстердаме (в 1904 году), на котором Г[еоргий] В[алентинович] возглавлял делегацию Российской социал-демократической рабочей

партии¹⁹. Доклад этот был напечатан в «Искре» и вошел в собрание сочинений Плеханова под заголовком «В Амстердаме»²⁰. Доклад этот носил характер официального отчета и не представлял собою особенно выдающегося выступления Г[еоргия] В[алентиновича], хотя и был пересыпан оживлявшими его остротами и политическими выпадами по адресу противников. В связи с этим докладом, я упомяну об инциденте, характеризующем находчивость Плеханова как оратора, и его умение заставить слушать себя даже самых непримиримых своих противников.

Доклад Плеханова об Амстердаме был публичным, и на нем присутствовали представители других партий. В силу технических соображений, он был разбит на две части и читался в продолжение двух вечеров²¹. В первой части Г[еоргий] В[алентинович] не упустил случая, со свойственной ему ядовитостью, пройтись насчет своих старых идейных противников - анархистов, в связи с обсуждавшимся на Амстердамском конгрессе вопросом о всеобщей стачке, и задел также «Бунд», который, после выхода на II съезде из партии, домогался особого представительства в Международном социалистическом бюро, в чем ему было отказано²².

Замечания Плеханова вызвали недовольство, шиканье и резкие возгласы со стороны анархистов и бундистов, но так как он сразу перешел к деловому изложению прений на конгрессе, то поднявшийся шум скоро улегся. Но, почувствовав себя оскорбленными, анархисты, ненавидевшие Плеханова за его старую брошюру об «Анархизме и социализме»²³ и готовые скандалить на любом эмигрантском собрании, решили взять реванш на продолжении доклада, и, в виде протеста, не дать ему говорить. С этой целью они запаслись свистками и с этим оружием явились на вторую часть доклада. Лишь только Плеханов приступил к продолжению своего доклада, анархисты начали из всей мочи свистать в принесенные свистки и посредством вложенных в рот пальцев; некоторые бундисты поддержали их, начав, в свою очередь, свистеть и шуметь. В большом зале ресторана «Хандверк», в котором происходило собрание, в течение нескольких минут стоял несмолкаемый гул и свист²⁴. Обыкновенно, когда анархисты заводили подобный скандал, собрание приходилось закрывать, во избежание вмешательства швейцарских полицейских властей и отказа содержателя ресторана предоставлять впредь свое помещение для русских собраний.

Плеханов, однако, не растерялся, сохранив полное самообладание и обнаружив большую находчивость. Дав немного успокоиться первому приступу обструкции, он попросил у собрания выслушать его спокойно в течение всего двух минут. Скандалисты как-то сразу притихли. Воспользовавшись благоприятным моментом, Плеханов, с добродушной улыбкой на лице, обратился к ним с краткой речью: «Господа, - сказал он, - вы, ведь, должны знать, что, как марксист, я отнюдь не являюсь противником крупного машинного производства, но вы должны также понимать, что свистки не являются надлежащим аргументом в идейной борьбе». Громкий хохот большинства аудитории покрыл эти слова Г[еоргия] В[алентиновича]; атмосфера разрядилась, сконфуженные анархисты попрятали в карманы свои свистки, бундисты притихли, и Плеханов благополучно, без всяких перерывов, довел свой доклад до конца.

...

Весной 1905 года мне ежедневно, в течение почти целого месяца, пришлось встречаться с Плехановым на конференции меньшевиков в Женеве²⁵. К этому времени разногласия внутри партии, в связи с событиями 9 января и выдвинутыми последними вопросами о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве и

т. п., достигли наибольшей остроты. Большевики создали общепартийный съезд в Лондоне, в котором меньшевистские организации отказались принять участие. Выбранные первоначально на съезд делегаты меньшевистских организаций вместо Лондона²⁶ отправились в Женеву, где образовали свою конференцию, принявшую ряд резолюций по текущим вопросам и избравшую меньшевистский центр «Организационную комиссию».

Вопреки настоянию Плеханова, собравшиеся делегаты объявили себя конференцией, а не съездом, иначе говоря, представительством не всей партии, а лишь части ее, решения которой не имеют общеобязательной силы для партийных организаций. При обсуждении этого организационного вопроса Плеханов остался на конференции почти в единственном числе (его поддерживали только Л. Г. Дейч и Л. И. Аксельрод-Ортодокс)²⁷. В этот период он был от большевиков дальше, чем когда-либо. Как представитель высшего учреждения партии - «Совета», высказавшегося против съезда, организованного большевиками, он находил поведение последних нелояльным, с точки зрения партийной конституции и устава, метал громы и молнии против нарушителей дисциплины, требуя формального исключения, при помощи власти Совета, большевистской фракции из партии и избрания конференцией правомочных центральных партийных учреждений. Большинство участников конференции не решилось стать на эту, чисто формальную, точку зрения, что вызвало некоторый холодок между [Георгием] В[алентиновичем] и остальными меньшевиками, а после конференции побудило Плеханова выйти из редакции «Искры»²⁸, объявить себя стоящим вне фракций и начать издавать свои «Дневники социал-демократа»²⁹. Разногласия эти, впрочем, обнаружались только к самому концу конференции, когда на очередь был поставлен организационный вопрос; до этого же момента Плеханов принимал самое деятельное участие во всех работах конференции. Влияние [Георгия] В[алентиновича] на решения конференции, в особенности, сказалось при обсуждении вопросов о вооруженном восстании, об отношении к профессиональным союзам и широким массовым организациям рабочих, а также в вопросе об отношении к крестьянскому движению. В прениях по этому последнему вопросу Плеханов, если не ошибаюсь, впервые высказал и обосновал свою мысль, вошедшую в принятую конференцией резолюцию о необходимости для социал-демократии поддерживать всякое революционное аграрное движение, вплоть до требования крестьян о конфискации всей земли³⁰.

Комический инцидент разыгрался при обсуждении вопроса о вооруженном восстании и временном революционном правительстве. Докладчиком по этому вопросу был назначен А. С. Мартынов. Со свойственным последнему глубокомыслием и основательностью, он представил огромную резолюцию³¹ - «простыню», которая была составлена в академическом тоне, сводя теоретические счета со всеми инакомыслящими.

Плеханов тотчас же, по оглашении резолюции, попросил слова. «Я не имею ничего возразить по существу резолюции т. Мартынова, - сказал он, - и совершенно согласен с нею, но... мне кажется, что она чересчур длинна и будет мало понятна читателям-рабочим». И далее Плеханов юмористически изобразил, как составляются обыкновенно наши партийные резолюции. В них бесконечно много всяких «принимая во внимание»; принимается во внимание, что Ленин тогда-то сказал то-то, а Парвус в своей статье высказался за то-то, а Троцкий может начать проповедовать то-то и т. д. «И мы так много принимаем всегда во внимание, - закончил под смех всей конференции свою

тираду Г[еоргий] В[алентинович], - что я очень опасаясь, как бы выведенный из терпения пролетариат не перестал нас принимать во внимание». «Позвольте, - продолжал Г[еоргий] В[алентинович], - показать вам, как надо составлять резолюцию». И взяв резолюцию Мартынова, Плеханов сел за отдельный столик и через несколько минут представил «исправленную» резолюцию Мартынова, в которой от мартыновской эрудиции ничего не осталось и которая оказалась раз в пять короче, при сохранении основных мыслей Мартынова, и при этом изложена была ясным и доступным литературным языком. Нечего и говорить, что резолюция была принята конференцией единогласно, и сконфуженному Мартынову не оставалось ничего иного, как «сделать хорошую мину при плохой игре» и добродушно смеяться вместе со всеми остальными участниками конференции.

...

Со времени Женевской конференции прошел ровно год - революционный 1905 год. Россия пережила за это время всеобщую октябрьскую забастовку 1905 года, царский манифест 17 октября, политическую амнистию, Советы рабочих депутатов, декабрьское восстание, избирательную кампанию и выборы в Государственную думу³². Социал-демократическая партия вышла за это время из подполья на простор открытой политической борьбы. Она пережила блестящие победы и тяжелые поражения. В ходе революционной борьбы фракционные разногласия несколько смягчились, потребности политической борьбы властно звали к объединению всех сил социал-демократии. В такой обстановке весной 1906 года был созван в Стокгольме объединительный съезд партии.

Выборы на съезде происходили, правда, по фракционным платформам и порой сопровождалась ожесточенной дискуссией, в особенности в крупных центрах, но, тем не менее, настроение значительного количества делегатов было в высшей степени примирительным: единство партии казалось им важнее торжества фракционной политики и фракционных принципов.

Стокгольмский съезд состоялся в апреле-мае 1906 года; на нем присутствовало свыше 100 делегатов из России с решающим голосом и несколько десятков с совещательным³³. Такого значительного, по количеству участников, съезда партия до того времени не знала. Объединенный Центральный Комитет, подготовивший съезд, в числе других товарищей, персонально пригласил также на него Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, живших за границей. Оба они запоздали к открытию съезда и на первом заседании последнего, при избрании президиума, Плеханов заочно был избран в него наибольшим количеством голосов (Плеханов получил 71 голос; двое других членов президиума: Дан - 67 голосов, Ленин - 60 голосов).

Плеханов и Аксельрод появились только на четвертом заседании, причем пришли в стокгольмский Народный дом, в котором происходили заседания, неожиданно для участников съезда. Появление в зале основоположников российской социал-демократии вызвало со стороны делегатов восторженную овацию, которая вышла тем внушительнее, что произошла совершенно экспромтом, почти без всякой подготовки. При входе Плеханова в зал все делегаты, как один человек, без различия фракций, встали и начали бурно аплодировать, чувствуя в лице Г[еоргия] В[алентиновича] символ единства социал-демократии, ее родоначальника. Оvation продолжалась в течение нескольких минут. Плеханов был заметно взволнован этой неожиданной им встречей. Вероятно, в этот момент он испытывал большое нравственное удовлетворение: его, еще

недавно непризнаваемого никем новатора в области революционной мысли, теперь чествовала, как своего духовного вождя, мощная партия пролетариата, который пошел путем, предуказанным им, Плехановым, за 25 лет перед тем.

Волнение Г[еоргия] В[алентиновича] было столь велико, что он ограничился всего только несколькими словами благодарности в ответ на эту манифестацию и на краткую приветственную речь председательствовавшего в этом заседании Ленина. Интересно было наблюдать поведение последнего во все время овации, устроенной Плеханову. Сидя на председательском месте, склонив немного голову на бок, Ленин улыбался характерной для него добродушно-хитрой улыбкой, и в его умных глазах сверкали насмешливые огоньки. Трезвый ум Ленина-политика не позволил ему разделить непосредственного порыва энтузиазма, охватившего в этот момент даже многих правоверных большевиков. Не меньше, а, может быть, даже больше своих сторонников Ленин понимал заслуги Г[еоргия] В[алентиновича] перед русской социал-демократией и рабочим классом, и лично он глубоко его уважал. Но его политическое чутье подсказывало ему, что на съезде, на котором решается вопрос, быть ли объединенной партии большевистской, или меньшевистской, Плеханов является самым опасным противником, именно благодаря своему авторитету и обаянию своего имени. В этих условиях Плеханов, как основатель партии и ее идеолог, отступал для Ленина на второй план, на первое место выдвигался Плеханов - союзник меньшевиков и фракционный противник, которого надо не возвеличивать перед съехавшимися делегатами, а разбивать в пух и прах.

Чутье Ленина не обмануло его. Именно Плеханов в первую половину съезда, когда еще оставался нерешенным вопрос, на чьей стороне окажется большинство, выступил самым решительным и ярким оппонентом Ленину. Центральное место на съезде занимал аграрный вопрос, пересмотр аграрной программы партии. До съезда по этому вопросу, строго говоря, не было фракционных делений. Среди большевиков имелись как сторонники национализации земли, так и раздела земли, а также товарищи, отрицавшие вообще необходимость особой аграрной программы для рабочей партии. Большинство меньшевиков сочувствовало защищавшейся Масловым муниципализации земли³⁴, но часть их склонялась к отрицанию всякой аграрной программы. Во всяком случае, большинство делегатов с обеих сторон не делало из аграрной программы боевого, фракционного вопроса и не связывало ее с общей политической линией своей фракции.

На съезде выступило пять докладчиков по аграрному вопросу³⁵: Ленин (национализация)³⁶, Маслов (муниципализация), Суворов (раздел)³⁷, Румянцев (отрицание особой аграрной программы)³⁸ и Плеханов³⁹, высказывавшийся тоже за муниципализацию земли, но дававший ей несколько иное обоснование, чем Маслов. И Ленин, и Плеханов придали своим докладам по аграрному вопросу политический характер; оба они связали защищавшуюся каждым из них аграрную программу с текущим политическим моментом, задачами и тактикой партии. Блестящий доклад Плеханова был не столько защитой идеи муниципализации земли (это он предоставил сделать Маслову), сколько критикой идеи национализации земли; последняя, в русских условиях, по мнению Г[еоргия] В[алентиновича], является наилучшей опорой для реставрации, оплотом всевозможной реакции, бонапартизма и азиатчины. Доклад был произнесен Плехановым с большим подъемом и силой: в каждом его слове чувствовалась глубокая убежденность,

большая ответственность за решение этого кардинального вопроса в ту или другую сторону. Заключительное слово Г[еоргия] В[алентиновича] по аграрному вопросу⁴⁰ тоже было полно блеска и тонкого, незлобивого юмора по адресу его многочисленных оппонентов и, прежде всего, Ленина.

Доклад Плеханова произвел очень сильное впечатление, по крайней мере, на меньшевистски настроенную часть съезда, т. е. его большинство. Многие делегаты, до того времени колебавшиеся и не убежденные содержательным, но сухим и вяло произнесенным, докладом Маслова, после выступления Плеханова приняли муниципализацию земли, как единственно мыслимое разрешение аграрного вопроса с точки зрения меньшевистской тактики. Своими выступлениями по аграрному вопросу на съезде Г[еоргий] В[алентинович] одним ударом убил двух зайцев: с одной стороны, он политически заострил масловскую программу муниципализации, придав ей боевой, фракционный характер и склонив на ее сторону многих колеблющихся; с другой стороны, принятие съездом резолюции Маслова-Плеханова по аграрному вопросу⁴¹ было первой победой на съезде меньшевистской фракции и, так сказать, дало тон всем дальнейшим прениям.

После этой блестящей победы Плеханов особенно не выделялся на съезде. Будучи членом президиума, он только изредка брал слово и не выступал больше докладчиком ни по одному вопросу. Его два десятиминутные (согласно регламенту съезда) выступления по вопросу об отношении партии к Госуд[арственной] думе и к вооруженному восстанию⁴² казались относительно бледными. Возможно, что главной причиной этого был недостаток времени, помешавший ему развить и углубить свои взгляды.

В связи с обсуждением вопроса о Государственной думе, я не могу не упомянуть об одном неофициальном выступлении Г[еоргия] В[алентиновича]. В один из вечеров, накануне обсуждения этого вопроса, съезд постановил не заседать, чтобы дать возможность делегатам передохнуть после затянувшегося обсуждения аграрной программы. Этот свободный вечер делегаты решили использовать для частной беседы по практическим вопросам местной работы и для заслушания докладов с мест, которые, за отсутствием времени, были сняты с порядка дня съезда. В назначенное время в обычном месте заседаний съезда собралось человек 60-70 делегатов с мест, без различия фракций, и началась непринужденная беседа, тем более непринужденная, что главные лидеры обеих фракций отсутствовали, и в прениях участвовали только рядовые работники с мест, которым не всегда удавалось высказаться на съезде. В разгаре нашей беседы в зал неожиданно вошли Плеханов, Дан и еще несколько товарищей: бродя по Стокгольму и проходя мимо Народного дома, они увидели в окнах его свет и решили посмотреть, что у нас происходит. При виде Плеханова несколько наиболее непримиримых большевиков, во главе с Г. Алексинским⁴³, лидером большевистской части петербургской делегации, вскочили с места и демонстративно выбежали из зала.

Эта враждебная манифестация задела за живое Плеханова, возбудив его боевой темперамент. Бросив на ходу с усмешкой: «А, бегут, бегут!», он быстрыми шагами направился к ораторской трибуне и, не попросив слова, обратился к аудитории с речью.

Я сказал «речью». Это неточно. Это не была речь в собственном смысле слова. Это было как бы само собой, без всякой подготовки, вылившееся экспромтом обращение старого, умудренного опытом и закаленного в борьбе человека к молодым, не познавшим еще

политической жизни, юношам. Никогда ничего подобного ни раньше, ни позже я не слышал ни от Плеханова, ни от кого другого. Г[еоргий] В[алентинович] говорил о Государственной думе, о ее значении для русской общественной жизни, об отношении к ней рабочего класса. Как зачарованные, сидели слушатели, в том числе и несколько рабочих-большевиков (среди них были, если память мне не изменяет, М. И. Калинин⁴⁴ и А. П. Смирнов⁴⁵, нынешний нарком земледелия), стараясь не проронить ни одного слова из этого глубоко проникновенного обращения, в котором чувствовалось одно только страстное желание убедить людей в таких ясных, непререкаемых вещах, которых они не понимают, и не было заметно ни тени стремления победить противника, задеть его самолюбие, бить беспощадно по его слабым местам, что нередко характеризовало выступления Плеханова.

На этот раз Плеханов говорил с товарищами по партии так, как говорил бы с первым встретившимся ему рабочим или крестьянином, которых он вздумал бы пропагандировать. Его речь была элементарно построена, логична и убедительна до чрезвычайности, и вместе с тем, в ней не было никакой вульгаризации, упрощения. После этой беседы еще больше, чем раньше, я понял, каким совершенно исключительным даром пропагандиста обладал Г[еоргий] В[алентинович]. Невольно я перенесся мыслью в эпоху конца 70-х годов, когда «оратор», как называли Г[еоргия] В[алентиновича] землевольцы, занимался пропагандой среди петербургских рабочих, и когда из его учеников выходили интеллигентные, теоретически подготовленные рабочие-социалисты⁴⁶.

На Стокгольмском съезде я впервые видел Плеханова в совершенно благодушном настроении. Даже его полемика на этот раз имела более незлобивый и менее язвительный, чем обыкновенно, характер. В перерывах между заседаниями съезда он весело шутил и дружески пикировался со многими большевиками: Луначарским⁴⁷, Теодоровичем⁴⁸, Красиным⁴⁹, Алексинским. Такое настроение, вероятно, вызывалось уверенностью в прочности достигнутого на съезде объединения партии, горячим сторонником которого Г[еоргий] В[алентинович] всегда был, и притом, объединения на основе тактики, которую он считал правильной и единственно социал-демократической.

Заключительная речь Плеханова, которой он закрыл съезд, дышала духом примирения⁵⁰. Она призывала всех членов партии, независимо от принадлежности к той или другой фракции, к дружной работе и борьбе с царизмом. Что этот призыв был не просто парадной фразой, приличествующей моменту, а выражал его действительные взгляды, доказывает тот факт, что на фракционных собраниях Г[еоргий] В[алентинович] горячо убеждал меньшевиков не злоупотреблять полученным на съезде большинством, не доводить большевиков крутыми мерами до выхода из партии, но, напротив того, дать им возможность переварить понесенное поражение внутри объединенной партии. Он настаивал на предоставлении большевикам достаточного количества мест в Центральном Комитете партии и на всевозможных уступках организационного характера. И, главным образом, влиянию Г[еоргия] В[алентиновича] приходится приписать то, что практические решения съезда по организационным вопросам были гораздо мягче и примирительнее в отношении большевиков, чем это могло быть при том численном перевесе и формальной победе, которые доставил меньшевикам Стокгольмский съезд.

Прошло более десяти лет, в течение которых я не видел Г[еоргия] В[алентиновича]. Годы реакции развели в разные стороны центральное

ядро меньшевиков (так называемых ликвидаторов) и Плеханова. Г[еоргий] В[алентинович] ожесточенно полемизировал с ликвидаторами и их петербургским органом «Наша заря»⁵¹, а последняя, с неменьшей резкостью отвечала на нападения Плеханова. Казалось, что между Плехановым и меньшевиками все раз и навсегда покончено. Но уже война снова значительно сблизила их в идейном отношении: взгляды значительной части ликвидаторов, ставших оборонцами, в очень многом приближались ко взглядам Г[еоргия] В[алентиновича] на войну и на отношение к ней рабочего класса и социал-демократии. Но личное охлаждение, вызванное политическими разногласиями в предыдущие годы, еще не прошло; к тому же, условия военного времени препятствовали возобновлению сношений между Плехановым и меньшевиками-оборонцами в России. Только накануне революции редакция московского оборонческого журнала «Дело»⁵² вступила в переписку с Г[еоргием] В[алентиновичем], и он выразил принципиальное согласие на сотрудничество в этом журнале⁵³.

Наступил 1917 год. Разразилась Февральская революция. Вернувшись после 37-летнего изгнания на родину, Плеханов организовал самостоятельную с[оциал]-д[емократическую] организацию «Единство», фактически стоявшую вне рядов РСДРП, правое крыло которой составляли близкие по направлению к Г[еоргию] В[алентиновичу] меньшевики-оборонцы. В мае 1917 года, в связи с происходившей в Петербурге всероссийской конференцией меньшевиков⁵⁴, несколько ее делегатов-оборонцев решило посетить Плеханова в Царском Селе, где он жил, чтобы выяснить взаимные точки соприкосновения и расхождения и обсудить вопрос о координации действий. Свидание это было организовано при содействии В. И. Засулич⁵⁵ и Л. И. Аксельрод, в то время уже вступивших в организацию «Единство». Кроме них и пишущего эти строки, в этой беседе с Плехановым участвовали: А. Н. Потресов, самый непримиримый противник Г[еоргия] В[алентиновича] в период «ликвидаторства», и ныне покойные: Евг. Маевский (Гутовский)⁵⁶ и Б. А. Кольцов (Гинзбург)⁵⁷, М. С. Балабанов⁵⁸, В. К. Иков (Миров)⁵⁹, рабочие: И. Н. Дементьев (Кубиков)⁶⁰, И. И. Емельянов⁶¹, Е. Н. Трубицын⁶² и Ф. А. Юдин⁶³.

Не без волнения большинство из нас подходило к дому, в котором жил Г[еоргий] В[алентинович]. Многие из нас совсем не знали его лично, другие, как я, сталкивались с ним только на партийных собраниях. Нас разделяли с ним годы ожесточенной фракционной полемики, и мы опасались неловкости и замешательства при встрече. Но мы, к счастью, ошиблись. И Г[еоргий] В[алентинович], и его жена, Розалия Марковна, приняли нас очень тепло и приветливо. Мне впервые пришлось увидеть Г[еоргия] В[алентиновича] в роли гостеприимного хозяина, в которой он оказался не менее интересен и ярок, чем в других положениях, в которых пришлось наблюдать его раньше.

Меня до ужаса поразил внешний вид Г[еоргия] В[алентиновича]. За эти 11 лет он изменился почти до неузнаваемости. Вместо полного жизни, довольно плотного мужчины в цвете лет, перед нами был исхудавший, высохший старик, с измученным лицом, совершенно седой и как будто придавленный. Не один только тяжелый недуг, сведший его через год в могилу, провел глубокие борозды на его лице и придавал выражение глубочайшего страдания его глазам, но и политические события протекших лет. Война, перипетии которой Плеханов переживал болезненно-страстно, раскол Интернационала и одиночество внутри созданной им партии - все это не менее, чем чахотка, сократили

жизнь [Георгия] В[алентиновича] на несколько лет. Перемена в наружности Плеханова имела одно следствие: черты лица его как-то смягчились. В них не было присущей ему суровости и непреклонности; пережитые страдания придали его лицу более мягкое, одухотворенное, облагороженное выражение. Тон его речи тоже стал несколько иным: более задушевным, сердечным.

Не следует, впрочем, думать, что от старого Плеханова-борца ничего не осталось. Стоило только взглянуть в его глаза, в эти незабываемые темно-серые умные, живые и проницательные глаза, вспыхивавшие в моменты оживления горячим огнем, и вы убеждались, что, если тело [Георгия] В[алентиновича] измождено, то дух его живет. Он оставался все тем же неутомимым и неукротимым борцом, готовым со всей силой своего убеждения, всей страстью своего боевого темперамента отстаивать свои взгляды и бороться с идеями, которые он считал пагубными для дела революции и рабочего класса. Глаза [Георгия] В[алентиновича] горели прежним юношеским огнем, и когда он говорил о своих политических противниках, они зажигались злой насмешкой и ненавистью; он выпрямлялся, становясь как будто выше, и вся его небольшая высохшая фигура выражала собою непреклонную волю и твердую решимость идти против течения до конца, до последнего вздоха. Глубоко трагическим казался в эти моменты образ Плеханова, первого русского революционера, поднявшего красное знамя на Казанской площади в Петербурге в 1876 году⁶⁴ и вернувшегося на родину после торжества революции непонятым, непризнанным теми, кто столь многим был обязан ему...

Еще одна новая черта поражала в Плеханове: необычайная его нервность. Во все время нашей беседы с ним, продолжавшейся 3-4 часа, он ни минуты не оставался покойным: все время вертел в руках какой-то предмет (кажется, ножик из слоновой кости для разрезания бумаги), нервно жестикулировал и перебегал от одной темы к другой.

Беседа наша не имела систематического характера. Та практическая цель, ради которой мы, главным образом, приехали, не была достигнута. С первых же слов выяснилось, что ряд соображений организационно-технического характера стоит на пути к ней^a, и обе стороны благоразумно отказались от бесплодных попыток разговора на эту болезненную тему. Но хотя беседа наша и лишена была практической цели, она была в высшей степени интересна. Впервые я увидел Плеханова в роли простого собеседника, а не в положении официального лица, и, подобно другим товарищам, не мог не поддаться обаянию его личности, блеску его ума и тонкого юмора. О чем только ни говорил [Георгий] В[алентинович] за эти несколько часов, проведенных нами с ним вместе! Различные стороны мировой войны; отношение к большевикам и к РСДРП; материалистическое понимание истории; характер и нравы итальянцев, среди которых [Георгий] В[алентинович] жил во время войны; позиция французских и немецких социалистов в отношении к войне; новые археологические раскопки; поэзия; характеристика различных политических деятелей; анекдоты... Все эти темы сменяли одна другую, и по каждой из них Плеханов находил сказать что-нибудь свое, оригинальное, яркое.

Вспоминается его с большим юмором переданный рассказ о двух его любопытных встречах: с Милюковым⁶⁵ и Пуришкевичем⁶⁶.

^a Г. В. напрямик заявил нам, что единственным способом согласования действий является наше вхождение в организацию «Единство», что для нас, по многим соображениям, было неприемлемо (примеч. автора).

Когда, кажется в 1916 году, П. Н. Милюков вместе с делегацией Госуд[арственной] думы отправился за границу, он счел нужным посетить Г[еоргия] В[алентиновича], жившего тогда в Италии, в Нерви⁶⁷. Зная, что Г[еоргий] В[алентинович] «приемлет» войну и стоит за отражение Германии, кадетский лидер задумал «договориться» с основателем российской социал-демократии. Встретившись с ним, он с жаром стал развивать перед ним свою военную программу, включавшую и Дарданеллы, и овладение Константинополем, и водружение креста на святой Софии и т.д. Плеханов, по его словам, не перебивая, внимательно слушал излияния красноречивого профессора, и, когда Милюков кончил, обратился к нему со следующими словами: «Все это очень хорошо, Павел Николаевич, но позвольте задать Вам один вопрос. Ведь Вы слывете за умного и трезвого политического деятеля. Я хорошо понимал бы Вас, если бы Вы развивали свою программу, когда русские войска стояли под стенами Константинополя и двигались победоносно на всех фронтах. Но нас всюду бьют, наши армии откатываются на сотни верст. И речь идет не о Константинополе, а о простом отражении неприятеля, занявшего нашу территорию. Зачем же обо всем этом говорить раньше времени?». Почтенный кадет был сконфужен этим ироническим вопросом, этим вылитым на него ушатом холодной воды, и вскоре поспешил ретироваться.

Еще более оригинальной была встреча Г[еоргия] В[алентиновича] с Пуришкевичем⁶⁸. Уже после революции в квартиру Г[еоргия] В[алентиновича] в Царском Селе явился какой-то субъект, требуя личного свидания с ним. Плеханов в этот день чувствовал себя нездоровым и никого не принимал. Розалия Марковна не допустила поэтому к нему неизвестного визитера. Но незнакомец обнаружил большую настойчивость и, исчерпав все остальные доводы, заявил, что имеет поручение к Г[еоргию] В[алентиновичу] от Пуришкевича. Когда Плеханов узнал об этом, он настолько заинтересовался, что решил сделать исключение для незнакомца и приказал впустить его. Каково же было его удивление, когда мнимый посланец Пуришкевича оказался никем иным, как самим Пуришкевичем, вождем черной сотни. Не будучи уверен, что Г[еоргий] В[алентинович] согласится принять его, он прибег к этой мистификации.

Ознакомившись с взглядами Г[еоргия] В[алентиновича] на войну, Пуришкевич признал в нем настоящего патриота и готов был простить ему за его любовь к родине его социалистические и революционные прегрешения. Он пришел к Плеханову выразить свое почтение и признательность за то, что он - вождь социалистов - защищает интересы России. Нечего и говорить, что Г[еоргий] В[алентинович] решительно отклонил всякую солидарность с Пуришкевичем, но, по его словам, он с удовольствием проболтал с ним час-полтора, найдя, что Пуришкевич интересный, остроумный и занятый собеседник^а.

Много интересного рассказал нам Плеханов об итальянских социалистах, с которыми он близко соприкасался во время войны. С восторгом он отзывался о старом революционере-социалисте Биссолати⁶⁹, который, будучи сторонником войны, пошел простым рядовым в

^а Что Пуришкевич в беседе с Плехановым был искренним (искренность, по-видимому, не совсем чужда была этому шуту гороховому), доказывает тот факт, что он явился на похороны Плеханова и сопровождал траурную процессию, вплоть до самого кладбища, неся в руках венок, на ленте которого было написано приблизительно след[ующее]: «Моему политическому противнику, но горячему патриоту-социалисту, высокоуважаемому Г. В. Плеханову» (примеч. автора).

окопы, был ранен и продолжал после этого не словом, а делом служить делу войны. В несколько комическом виде изображал Г[еоргий] В[алентинович] позицию лидера итальянских социалистов Турати⁷⁰, который в душе склонялся к оборончеству, но под влиянием своей жены, небезызвестной революционерки (русской) Кулешовой⁷¹, проводил циммервальдистские резолюции⁷².

Совершенно очарованные Г[еоргием] В[алентиновичем], мы оставили его. Он радушно приглашал нас навещать его, но мне лично больше не пришлось увидеть его. Спустя ровно год он скончался.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 855. Л. 1-22.

Примечания

¹ В январе 1880 г. Г. В. Плеханов, находясь под угрозой ареста, эмигрировал из России и поселился вскоре с семьей в Женеве.

² Имеется в виду II съезд РСДРП, положивший начало фактическому основанию партии. Проходил в Брюсселе и Лондоне с 17 (30) июля по 10 (23) августа 1903 г.

³ На II съезде РСДРП Г. В. Плеханов и В. И. Ленин выступали как единомышленники, имея сходные мнения по всем обсуждавшимся вопросам.

⁴ «Искра» - первая общерусская нелегальная марксистская газета, подготовившая создание революционной марксистской партии в России. Основана Лениным в 1900 г.; с № 53 (25 ноября 1903 г.) стала партийным органом меньшевиков.

⁵ Мартов О. Ю. (наст. фамилия - Цегербаум) (1873-1923); Аксельрод П. Б. (1850-1928); Засулич В. И. (1849-1919); Потресов А. Н. (1869-1934) - социал-демократы, лидеры меньшевизма. Входили, наряду с Плехановым и Лениным, в состав редакции газеты «Искра», делегированы ею на II съезд РСДРП с совещательным голосом; Мартову в качестве делегата организации «Искра» было предоставлено два голоса. По решению съезда в новую редакцию газеты были избраны Плеханов, Ленин и Мартов. Последний отказался от членства в редколлегии.

⁶ Исходя из сложившейся ситуации, съезд принял постановление о кооптации третьего редактора двумя избранными, т.е. Плехановым и Лениным. После бесплодных попыток в течение более двух месяцев уладить конфликт с «мартовской оппозицией» (меньшинством) Плеханов предложил Ленину, в целях предотвращения раскола партии, пойти на уступки меньшинству и выполнить их главное требование - о кооптации в ЦО членов старой редакции «Искры». В ответ Ленин 1 ноября 1903 г. написал заявление о сложении с себя должности члена Совета партии и члена редакции ЦО. 25 ноября Плеханов кооптировал в состав редакции «Искры» представителей оппозиции: Мартова, Аксельрода, Засулич и Потресова, что означало разрыв Плеханова с Лениным и переход его на сторону меньшинства (Второй съезд РСДРП. Протоколы. С. 369-377; Ленинский сборник. Сб. VI. М.-Л., 1927. С. 181-316; там же, сб. VII. М.-Л., 1928. С. 187-237; 248-274).

⁷ На II съезде РСДРП при обсуждении организационного Устава были представлены ленинская и мартовская редакции первого параграфа Устава о членстве в партии, рассмотрение которых выявило две различные точки зрения на принципы построения партии и послужило основанием ее раскола на большевистскую и меньшевистскую фракции. Вариант Мартова, гласивший, что членом РСДРП считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций, открывал широкие возможности для вступления в партию всех желающих. (В мартовской формулировке параграф первый и был принят съездом: 28 голосов - за; 22 - против). Ленин, руководствуясь в вопросах создания и функционирования партии принципами централизма, строгого контроля сверху, конспирации, непременным условием членства в партии ставил личное участие в одной из партийных организаций. Плеханов на съезде поддержал ленинскую формулировку (Второй съезд РСДРП. Протоколы. С. 262-281).

⁸ Щегрин Н. - Салтыков-Щегрин М. Е. (наст. фамилия Салтыков) (1826-1889); Успенский Г. И. (1843-1902) - русские писатели. Произведения этих писателей Плеханов знал и любил, используя образы их литературных героев в своих публицистических статьях. О творчестве Успенского им в 1888 г. был написан литературно-критический очерк «Г. И. Успенский» (Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. Т. 5. М., 1958. С. 41-95).

⁹ Дан Ф. И. (наст. фамилия - Гурвич) (1871-1947) - социал-демократ, один из лидеров меньшевизма.

¹⁰ Троцкий Л. Д. (наст. фамилия - Бронштейн) (1879-1940) - политический и государственный деятель. В описываемый период - социал-демократ, член фракционного центра меньшевиков. Сотрудник «Искры». Впоследствии занимал в партийной борьбе надфракционное положение, возглавляя собственную группировку.

¹¹ «Земская кампания» - условное название для начавшегося осенью 1904 г. периода оживления оппозиционного движения земских либералов и буржуазной интеллигенции. С разрешения правительства, по случаю 40-летия введения судебных уставов, устраивались совещания и банкеты, на которых представители либеральной оппозиции принимали резолюции о необходимости установления демократических свобод. Важным событием «земской кампании» был Петербургский общеземский съезд 6-9 ноября, выработавший программу политических реформ.

Левицкий ошибочно приписал авторство двух писем о «земской кампании» Плеханову. Оба «Письма к партийным организациям» ([Листовки]. Б.М., [ноябрь и декабрь 1904]) были выпущены за подписью редакции «Искры». Автором первого, изданного в ноябре «Письма» был Ф. И. Дан (Социал-демократическое движение в России. Материалы. М.-Л., 1928. С. 147-149, 377, прим. 528). По воспоминаниям Мартова, вдохновителем изложенного в «Письмах» плана «земской кампании» являлся Аксельрод (Л. Мартов. История российской социал-демократии. Период 1898-1907. М.-Пг., 1923. С. 86). Этой же точки зрения придерживался А. Ерманский (Ерманский О. А. Из пережитого. М., 1927. С. 75).

В рамках «земской кампании» Плеханов написал в декабре 1904 г. письмо в Центральный Комитет «О нашей тактике по отношению к борьбе либеральной буржуазии с царизмом» (Плеханов Г. В. Соч. Т. 13. С. 169-187), в котором, защищая рекомендованный редакцией «Искры» план проведения земской кампании, выступил с критикой основных положений ленинской брошюры «Земская кампания и план "Искры"».

¹² Парвус А. Л. - (наст. фамилия - Гельфанд) (1869-1924) - немецкий социал-демократ, уроженец России. Сотрудничал в немецкой периодической печати, написал ряд работ по вопросам мирового хозяйства. В начале 900-х гг. по «своим взглядам был близок к меньшевикам, печатался в «Искре». В 1905-1907 гг. развивал и пропагандировал идею перманентной (непрерывной) революции. Возглавил вместе с Троцким в 1905 г. Петербургский Совет рабочих депутатов.

В предлагаемом редакцией «Искры» плане земской кампании Парвус и Троцкий усмотрели тенденцию ограничения развивающегося пролетарского движения рамками борьбы буржуазной демократии. Парвус подверг критике основной тезис плана: оказывать со стороны пролетариата организованное воздействие на либеральную буржуазию, усиливая в ней радикальные элементы, но не допуская по отношению к ней никаких мер устрашения. В противовес этой осторожной тактике Парвус выдвинул свой план: «...требовать от либерализма своей части при каждом его движении вперед, нападать на него с тылу при каждом его отступлении, возбуждать массы и против правительства, и против буржуазии, и против либералов, организовывать..., сохранить революционную силу, чтобы в момент, когда на это нужно будет решиться, расправиться и с самодержавием, и с либерализмом» (Парвус. Россия и революция. С. 179.). Подобную же позицию занимал Троцкий (Троцкий И. До девятого января. С предисловием Парвуса. Женева, 1905).

¹³ Первое собрание Партийного клуба, о котором идет речь, состоялось 29 ноября 1904 г. и было посвящено обсуждению «Письма партийным организациям» (РНБ. АДП. Ф. 1093 (Плеханов Г. В.). Оп.2. Ед. хр. 727). Второе собрание происходило, по-видимому, 13 декабря, и Плеханов должен был

выступать на нем с критическим разбором ленинской статьи «Земская кампания и план "Искры"» (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 8. А. 8.124).

¹⁴ *Ерманский А.* (наст. фамилия - *Коган О. А.*) (1866-1941) - социал-демократ, меньшевик. По профессии инженер. В революционном движении с конца 80-х гг. В 1891-1895 гг. учился в Цюрихе в Политехническом университете, был знаком с членами группы «Освобождение труда», участник 1-го съезда «Союза русских социал-демократов за границей». По возвращении в Россию, в 1899-1902 гг. руководил социал-демократическим движением на юге. По поручению газеты «Искра» написал ряд агитационных брошюр. Активно сотрудничал во многих меньшевистских периодических изданиях, принимал участие в пятитомнике «Общественное движение в России в начале XX века», где посвятил вопросам социально-экономического и политического развития русской крупной буржуазии два очерка. После Октябрьской революции отошел от партийной работы, занимался исследованиями в области научной организации труда.

В 1904 г. Ерманский выступил против пропаганды участия рабочих в «земской кампании». Критическое отношение Ерманского к изложенному в «Письме к партийным организациям» плану «земской кампании» основывалось на пессимистичной оценке политического потенциала крупной русской буржуазии. Поскольку, по его мнению, крупная промышленная буржуазия в России органически связана с государственной властью и не может быть активным борцом за политические свободы, то в предстоящей буржуазной революции она осуждена на консервативную и даже реакционную роль. Ерманский полагал, что в рекомендованном «Искрой» плане мысль о значительной роли либерально-демократической оппозиции в борьбе с самодержавием (эту роль он считал сильно преувеличенной) может посеять несостоятельные иллюзии в рабочем классе (О. А. Ерманский. Из пережитого. М., 1927. С. 75-76).

¹⁵ *Семковский С. Ю.* (наст. фамилия - *Бронштейн*) (1882-1938) - социал-демократ, меньшевик. В социал-демократическом движении с 1900 г. В 1906 г. входил в состав Объединенного ЦК РСДРП. После Первой русской революции - нефракционный социал-демократ, один из редакторов газеты «Правда» (Вена) Троцкого, сотрудник меньшевистской газеты «Луч». После возвращения из эмиграции в Россию в 1917 г. вошел в состав меньшевистского ЦК. В 1920 г. осужден Революционным трибуналом. Позднее отошел от политической деятельности и преподавал до середины 30-х гг. в Харьковском университете, вел научную работу в области философии и социологии. Репрессирован.

Факт выступления Семковского против плана земской кампании подтверждается страницами воспоминаний Ерманского, который писал: «Против меня выступали Дан, Мартов и новообращенный меньшевик Мартынов при поддержке всех сторонников меньшевизма. Я был почти один (отчасти поддерживал меня впервые объявившийся на социал-демократическом горизонте С. Семковский) против всей меньшевистской фракции...» (Ерманский О. А. Из пережитого. М., 1927. С. 75-76).

¹⁶ *Мартынов А. С.* (наст. фамилия - *Пикер*) (1865-1935) - социал-демократ, один из идеологов «экономизма», видный деятель меньшевизма. В социал-демократическом движении с конца 90-х гг. Неоднократно подвергался репрессиям со стороны царского правительства. В эмиграции - член берлинской группы «Союза русских социал-демократов». Автор *сredo* меньшевизма - брошюры «Две диктатуры» (Женева, 1905). Сотрудничал во многих меньшевистских периодических изданиях, принимал участие в пятитомнике «Общественное движение в России в начале XX века». После Октябрьской революции работал учителем на Украине. В 1923 г. заявил о разрыве с меньшевизмом. Работал в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, Коминтерне, состоял членом редакции журнала «Коммунистический Интернационал».

¹⁷ 9 (22) января 1905 г. вошло в историю под названием «Кровавого воскресения». Этот день ознаменовался массовым расстрелом царским правительством возглавляемого священником Г. А. Гапоном мирного шествия петербургских рабочих к Зимнему дворцу для подачи петиции Николаю II.

¹⁸ Группа «Освобождение труда» - первая русская марксистская организация. Создана в Женеве в сентябре 1883 г. Плехановым и его единомышленниками.

П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич, Л. Г. Дейчем и В. Н. Игнатовым. Самораспустилась на II съезде РСДРП. О трудностях первых лет существования группы см., например, «Первые шаги группы "Освобождение труда"» // Группа «Освобождение труда». Сб. 1. М., 1924. С. 9-49; «Финансы» группы «Освобождение труда» // Группа «Освобождение труда». Сб. 6. М.-Л., 1928. С. 308-319.

¹⁹ Амстердамский конгресс Международного социалистического Интернационала проходил с 14 по 20 августа 1904 г. Кроме Плеханова в состав делегации РСДРП входили: Ф. И. Дан, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч, М. Н. Лядов и П. А. Красиков.

²⁰ См.: «Искра». 1904. 20 сентября (№ 74), 5 октября (№ 75), 20 октября (№ 76); Плеханов Г. В. Соч. Т.16. С.309-352.

²¹ С докладом (или рефератом, как тогда его называли) об Амстердамском конгрессе Плеханов выступал на собрании в Женеве 17-го, вероятно, 23 сентября 1904 г. (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 70. А. 89.57). В содержании сохранившихся в архиве ДП фрагментов этого реферата («Амстердамский конгресс (Реферат). Амстердам. Реферат 2») обнаруживается связь с изложением темы и хода реферата в передаче Левицкого (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 2. Ед. хр. 265).

²² Бунд («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России») - социал-демократическая организация еврейского пролетариата. Основан в 1897 г. Со времени образования РСДРП (1898) входил в ее состав как автономная организация. В 1903 г. на II съезде вышел из состава РСДРП, т.к. выдвигаемое им требование федеративного принципа построения партии было отклонено съездом. В дальнейшем Бунд вновь вошел в состав партии.

Эпизод, связанный с обращением делегатов Бунда в МСБ (постоянный исполнительно-информационный орган II Интернационала) с просьбой о постоянном представительстве, описан Плехановым в статье «В Амстердаме» (Плеханов Г.В. Соч. Т.16. С.319-322).

²³ Имеется в виду написанная в 1894 г. брошюра «Анархизм и социализм» (Плеханов Г. В. Соч. Т. 4. С. 167-248).

²⁴ В письме к Розалии Марковне Плеханов описал последнее собрание так: «Но здесь у меня была баталия с анархистами, бундистами, социалистами-реакционерами и еще черт знает с кем: Публики набралось масса, а все перечисленные элементы составили между собой коалицию и страшно напали на меня. Анархисты были просто грубы; соц[иалисты]-рев[олюционеры] старались ехидничать, бундисты завывали, - словом был хороший концерт» (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 70. А. 89.58).

²⁵ Женевская конференция меньшевиков (первая общерусская конференция партийных работников) проходила в конце апреля - начале мая 1905 г., одновременно с III съездом (большевистским) РСДРП.

²⁶ III съезд РСДРП состоялся 25 апреля-10 мая 1905 г. в Лондоне.

²⁷ Дейч Л. Г. (1855-1941), - социал-демократ, меньшевик. Аксельрод Л. И. (1868-1946, псевд. *Ортодокс*) - философ-марксист. Социал-демократ, примыкала к меньшевикам. В области философии считала себя ученицей Плеханова. Дейч и Аксельрод относились к числу единомышленников и близких друзей Плеханова. После Женевской конференции вслед за Плехановым Аксельрод вышла из состава редакции «Искры», в которую была кооптирована в середине мая («Искра». 1 (14) июня (№ 101). С. 8).

²⁸ Письмо Плеханова от 29 мая 1905 г. о выходе из редакции «Искры» и сложении с себя звания члена Совета партии опубликовано: «Искра». 1 (14) июня (№ 101). С.8. Но существовал другой, более подробный вариант письма (тоже помеченного 29 мая), в котором Плеханов изложил мотивы своей отставки, в частности: «...конференция в последнем своем заявлении приняла резолюцию, совершенно уничтожающую наши партийные центры, как они созданы были нашим вторым (законным) партийным съездом... дело состоит... в том, что учреждениям, установленным вторым съездом нашей партии, перестали подчиняться как Ваши противники, признающие законность третьего съезда, так и Вы сами. Мне, твердо и неуклонно державшемуся законной почвы, необходимо удалиться» (РНБ. АДП. Ф.1093. Оп.3. Ч.1. Ед. хр. 114). Плеханов тяжело переживал разрыв с редакцией «Искры». В записке Р. М. Плехановой, сопровождавшей письмо, фрагменты которого цитированы

выше, он писал: «Я высказываю в нем [письме - публ.] свой истинный взгляд, чуждый всяких дипломатических прикрас или умолчаний. Но произведет ли мое письмо какое-либо действие, я не знаю - даже сомневаюсь. Меньшевики, - и тот же Мартынов, в том числе, - пользовались мною, но шли за мной редко. Еще недавно они не решились выступить на мою защиту в споре моем с ЦК. Они мне всегда изменяли» (Там же. Ед. хр. 70. А. 89.61).

²⁹ Здесь Левицким допущена неточность: «Дневник социал-демократа» № 1 вышел в марте 1905 г. Журнал издавался Г. В. Плехановым с перерывами в течение 1905-1916 гг. Журнал отражал особую позицию Плеханова по многим вопросам с-д. движения в России, расходившуюся с позицией как большевиков, так и меньшевистского руководства.

³⁰ Мысль о необходимости поддержки социал-демократами всякого революционного аграрного движения, вплоть до требования крестьян о конфискации всей земли, была высказана Плехановым гораздо раньше. Обращаясь в своей статье «К аграрному вопросу в России» (1906) к обсуждению аграрного вопроса на Женевской конференции, Плеханов указал, что его еретические взгляды о конфискации земли были высказаны в «Заре», на втором съезде, в первом номере «Дневника» и, наконец, на конференции (Плеханов Г. В. Соч. Т. 15. С. 25-26. См.: Плеханов Г. В. Проект программы Российской социал-демократической партии // Заря. 1902. № 4. Stuttgart. С. 32-37; Второй съезд РСДРП: Протоколы. С. 223; Мужики бунтуют // Плеханов Г. В. Соч. Т. 13. С. 247-251).

³¹ На Женевской конференции Мартынов вошел в состав комиссии по составлению резолюций по вопросу о завоевании власти и восстании. Плеханов работал в двух комиссиях: по аграрному вопросу и по вопросу о профессиональном движении (Первая общерусская конференция партийных работников (Женева, 1905. С. 18, 20; 21-24). В архиве ДП хранится представленный комиссией Мартынова гектографированный экземпляр проекта двух резолюций «Восстание» и «Захват власти» с поправками Плеханова (Ф. 1093. Оп. 2. Ед. хр. 294).

³² Левицкий перечисляет основные вехи Первой русской революции.

³³ IV (Объединительный) съезд проходил с 23 апреля по 8 мая 1906 г. в Стокгольме. На нем присутствовало 112 делегатов с решающим голосом и 22 с совещательным. По фракционной принадлежности из числа делегатов с решающим голосом 64 принадлежали меньшевикам, 46 - большевикам (Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. С. XI).

³⁴ Маслов П. П. (1867-1946) - экономист, автор работ по аграрному вопросу, видный деятель меньшевизма. Проект муниципализации земли предполагал отчуждение крупных земельных участков (в том числе и помещичьих) и передачу их в ведение муниципалитетов для дальнейшего распределения. Доклад Маслова на съезде см.: Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. С. 55-58.

³⁵ Аграрная комиссия на съезде назначила два основных доклада по аграрному вопросу (Ленина и Маслова) и три дополнительных: Плеханова, Румянцева и Суворова (Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. С. 54).

³⁶ Ленинский проект аграрной программы (национализация, обоснованный им в работе «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», был роздан делегатам съезда (в протоколы съезда он не вошел). (Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. С. 603, прим. 27).

³⁷ Суворов С. А. (1869-1918) - литератор, статистик, социал-демократ. Революционную деятельность начал в 1890-х гг. в рядах народовольцев. С 1900 г. - социал-демократ. В годы Первой русской революции работал в большевистских организациях. В 1908 г. принимал участие в махистском сборнике «Очерки по философии марксизма». После 1910 г. отошел от партийной деятельности, работал статистиком. В 1917 г. примкнул к меньшевикам-интернационалистам. До и после Октябрьской революции занимал ряд выборных должностей в Москве и Ярославле. Погиб во время контрреволюционного восстания в Ярославле. Доклад Суворова по аграрному вопросу на IV съезде партии см.: Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. С. 74-78.

³⁸ Румянцев П. П. (1870-1925) - социал-демократ. В социал-демократическом движении с 1891 г. После II съезда примкнул к большевикам, занимал

ответственные должности (член Бюро комитетов большинства, ЦК РСДРП, Объединенного ЦК). Сотрудничал в легальной большевистской печати. Впоследствии отошел от партийной деятельности, работал в области экономических исследований. Доклад Румянцева по аграрному вопросу на IV съезде в протоколы не вошел.

³⁹ См.: Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. С. 58-61.

⁴⁰ См. там же. С.137-142.

⁴¹ См. там же. С.522-523.

⁴² См. там же. С.291-293, 376-378.

⁴³ *Алексинский Г. А.* (1879-1967) - социал-демократ. В революционном движении с 1899 г., был одним из руководителей движения московского студенчества. В годы Первой русской революции - агитатор в московской организации большевиков, сотрудник большевистских периодических изданий. Депутат II Государственной думы (1907). В период Первой мировой войны занимал оборонческие позиции, сотрудничал в плехановских изданиях «Призыв» (1915), «Единство» (1917), входил в состав ЦК группы «Единство». После Октябрьской революции эмигрировал, выступал с критикой большевизма. В работе IV съезда участвовал как делегат с решающим голосом от Екатеринославской партийной организации.

⁴⁴ *Калинин М. И.* (1875-1946) - деятель Коммунистической партии и советского государства. Социал-демократ, большевик. Рабочий. Член партии с 1898 г., вел партийную работу во многих городах России, неоднократно подвергался репрессиям со стороны царского правительства. Избирался в руководящие органы партии. После Октябрьской революции занимал ответственные посты в советском государстве. Был делегатом IV съезда с решающим голосом от Петербургской организации.

⁴⁵ *Смирнов А. П.* (1877-1938) - деятель Коммунистической партии и советского государства. Социал-демократ, большевик. Рабочий-текстильщик. В социал-демократическом движении с 1896 г. Вел партийную работу во многих городах России, неоднократно арестовывался, ссылался, бежал из ссылки. После Октябрьской революции занимал ряд ответственных партийных и государственных постов. В 1923-1928 гг. - нарком земледелия РСФСР, одновременно - генеральный секретарь Крестинтерна. Выступил с критикой насильственных методов создания колхозов и репрессий против крестьянства. Репрессирован. На IV съезде был делегатом с решающим голосом от Петербургской организации.

⁴⁶ О пропагандистской деятельности Плеханова среди рабочих в 70-е гг. см. его воспоминания «Русский рабочий в революционном движении» (Л., 1989).

⁴⁷ *Луначарский А. В.* (1875-1933) - советский государственный деятель, писатель, критик. В социал-демократическом движении с 1892 г., в 1895-1898 гг. слушал лекции по философии в Цюрихском университете, был близок к членам группы «Освобождение труда». После II съезда - большевик, активно сотрудничал во многих большевистских изданиях, писал по вопросам философии. Сформулировал основные положения идеи «богостроительства». После Октябрьской революции - нарком просвещения, один из теоретиков Пролеткульта. На IV съезде - делегат с совещательным голосом от редакции Объединенного Центрального органа.

⁴⁸ *Теодорович И. (Бронислав) А.* (1875-1937) - деятель советского государства. Социал-демократ, большевик. Профессиональный революционер. В социал-демократическом движении с 1895 г., вел партийную работу в Москве, Петербурге. Подвергался репрессиям со стороны царского правительства. После Октябрьской революции занимал ответственные должности в Наркомземе РСФСР. Был главным редактором журнала «Каторга и ссылка», писал по вопросам политики партии в области сельского хозяйства, истории народнического и социал-демократического движения. В 1937 г. арестован, расстрелян. На IV съезде делегат с совещательным голосом от Петербургской организации.

⁴⁹ *Красин Л. Б.* (1870-1926) - деятель партии и советского государства. Социал-демократ, большевик. По профессии инженер. В социал-демократическом движении с 1890 г. Входил в руководящие органы партии. Активный участник Первой русской революции: входил в состав Петербургского Совета рабочих депутатов, возглавлял Боевую техническую группу при ЦК, руководил

вооружением боевых дружин, созданием подпольных типографий. Организатор «экспроприаций». Занимался в партии финансовыми вопросами. С 1912 г. отошел от партийной работы, занимался административно-производственной деятельностью на заводах фирмы «Сименс и Шуккерт». После Октябрьской революции вернулся в партию, был на руководящей советской и дипломатической работе. На IV съезде - делегат с совещательным голосом от Объединенного ЦК.

⁵⁰ См.: Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. С. 474.

⁵¹ «Наша зря» - ежemesячный легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов. Издавался с 1910 по 1914 г. в Петербурге под редакцией А. Н. Потресова. В журнале сотрудничали В. О. Левицкий, Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. С. Мартынов. После закрытия выходил под названием «Наше дело» (1915) и «Дело».

⁵² «Дело» - двухнедельный научный и общественно-литературный журнал. Издавался с августа 1916 по 1917 г. в Москве под редакцией Потресова, при ближайшем участии Л. И. Аксельрод, П. П. Маслова. Публиковались статьи по теории политэкономии, вопросам социального законодательства, обзоры хозяйственной жизни. В 1918 г. возобновился при измененной редакции.

⁵³ Летом 1916 г. члены редакции журнала «Дело» (Л. И. Аксельрод, П. П. Маслов, В. О. Левицкий) официально и в частных письмах обращались к Плеханову с предложением сотрудничества в журнале. (Текст письма Левицкого к Георгию Валентиновичу приводится ниже). Ответив согласием, Плеханов послал вместе со своим письмом в редакцию «Дела» статью «Стены Бельгии, логика Циммервальда и рабочий Интернационал», которую намеревался напечатать сначала в газете «Призыв», а потом - в журнале «Дело». Однако инцидент с Алексинским, перепечатавшим без ведома автора эту статью из «Призыва» (Париж. 1916. 16 декабря (№ 56) в недавно созданной министером внутренних дел А. Д. Протопоповым либеральной газете «Русская воля» (Пг., 1917. 5 января (№ 4), расстроил предполагавшееся сотрудничество Плеханова с журналом (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 547. В. 284.2; В. 284.10; Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 55. В. 481.29; там же, ед. хр. 81. В. 11.138).

Письмо В. О. Левицкого к Г. В. Плеханову от 21 июня ст. ст. 1916 г.: «Многоуважаемый Георгий Валентинович! Вас уже, частным образом, прежде, чем это можно было сделать официально вследствие внешних условий, известили о предполагающемся здесь журнале «Дело» и предложении Вам сотрудничать в нем. Так что теперь к тому, что Вам уже писали, остается добавить очень немногое.

Ваше сотрудничество было бы очень ценно для нового литературного начинания, хотя редакция не во всем сходится с взглядом на некоторые злободневные вопросы, в частности, на некоторые вопросы внутренней жизни России. Тем не менее, с своей стороны, она не видит в этом препятствий для Вашего сотрудничества и полагает, что и с Вашей стороны не встретится препятствий, поскольку она гарантирует Вам полную свободу высказывания своих взглядов и положений, хотя бы идущих вразрез с собственными ее взглядами по данным вопросам.

Затевая новое литературное предприятие в трудное для России и для печати вообще, для печати нашего общего направления время, редакция «Дела» полагает, что в настоящее время не было бы большего греха, как тот, который мы себе так часто все позволяли, - греха разделения вместо необходимого объединения литературных сил. Вот почему, нисколько не отрицая всей глубины наметившихся во время войны разногласий, она полагает, что сейчас более, чем когда-либо, необходимо попытаться совместно спокойно подвергнуть теоретическому анализу все, что произошло, чтобы и в практической жизни искать выхода из тупика. Надо, по ее мнению, стараться убедить тех, кого еще можно убедить в неправильности защищаемых ими взглядов, хотя бы путем взаимной товарищеской полемики.

Вот почему, проводя в журнале редакционную линию, совпадающую в общем и целом с линией сборн[ика] «Самозащиты», редакция предоставляет свободу суждения и тем, кто с нею несогласен. Так, послано приглашение сотрудничать таким лицам, как Мартов, П. Б. Аксельрод, взгляды которых диаметрально противоположны взглядам редакции.

Тем более желательно Ваше сотрудничество, т.к., при всем наличии разногласий в деталях, а иногда даже только в формулировке, редакция стоит на одинаковой или сходной с Вами позиции по вопросу об оценке современной войны, борющихся в ней сил и вытекающих из нее задач.

Редакция просит В[ас], по возможности, скорее ответить на это письмо и, в случае В[ашего] положительного ответа, желала бы иметь В[ашу] статью для одного из ближайших номеров.

Не знаю, осведомлены ли Вы насчет, так сказать, технической стороны издания.

Журнал начнет выходить с первой половины августа с[его] г[ода], по старому стилю, и будет выходить 2 раза в месяц книжками по 5 печ[атных] листов каждая. Беллетристики в нем не будет, но зато будут все постоянные отделы толстых журналов: (внутр[еннее] и иностр[анное] обозрение, внутр[енняя] и иностр[анная] хроника, экономич[еский] и социально-полит[ический] обзор, библиография и т.д.). Ввиду небольших размеров журнала, желательно, чтобы статьи по размерам были короче обычных журнальных (до 30 тыс. букв), в крайних случаях, возможно разделение статей на 2 книжки.

Средний гонорар, согласно договору с издателем, 70-80 р[ублей] с листа, но в отдельных случаях, в частности для заграничных сотрудников, страдающих от понижения курса, может быть увеличен до 100 р[ублей].

Журнал, вероятно, будет распространяться довольно широко. Первоначальный тираж предполагается в 10 тыс[яч] экз[емпляров].

Кроме этого журнала и наряду с ним, то же издательство предполагает через некоторое время приступить к изданию специального эконом[ического] журнала, под названием «Экономич[еское] обозрение». Но план этого издания еще не окончательно разработан.

В ожидании Вашего ответа

С товарищеским приветом

По поручению редакции

Секретарь Вл. Цед[ербаум]» (Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед.хр. 517).

⁵⁴ Общероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП проходила в Петрограде 7 (20)-12 (25) мая 1917 г.

⁵⁵ Засулич В. И. на Общероссийской конференции присутствовала по приглашению Организационного Комитета (Меньшевики в 1917 году. Т. 1. М., 1994. С. 272).

⁵⁶ Маевский Е. (наст. фамилия - Гутовский В. А.) (1875-1918) - социал-демократ, меньшевик. Публицист. В социал-демократическом движении с 90-х гг, один из организаторов Сибирского союза РСДРП. Сотрудник многих меньшевистских периодических изданий. Принимал участие в издании «Общественное движение в России в начале XX века». В период войны занимал оборонческие позиции, входил в группу меньшевиков-оборонцев «Самозащита». Убит во время Колчаковского мятежа в Омске.

⁵⁷ Кольцов Д. (наст. фамилия - Гинзбург Б. А.) (1863-1920) - социал-демократ, меньшевик. Публицист. В революционном движении с 80-х гг. Играл видную роль в социал-демократической эмиграции 90-900 гг., был связан с членами группы «Освобождение труда», состоял секретарем «Союза русских социал-демократов за границей». Сотрудничал во многих меньшевистских печатных органах (писал по вопросам профессионального и кооперативного движения), принимал участие в издании «Общественное движение в России в начале XX века». В период войны оборонец. После Февральской революции - министр труда в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. В 1918-1919 гг. работал в сфере кооперации.

⁵⁸ Балабанов М. (Самуил) С. (1873-?) - социал-демократ, меньшевик. Журналист. В социал-демократическом движении с начала 90-х гг. Состоял членом киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Принимал участие в меньшевистских периодических изданиях, в пятитомнике «Общественное движение в России в начале XX века». С 1909 г. - сотрудник «Киевской мысли». В период войны оборонец. После Февральской революции состоял членом Киевского комитета меньшевиков, Украинской Центральной рады. В 20-е гг. отошел от меньшевизма, преподавал и занимался изучением истории рабочего класса и кооперативного движения.

⁵⁹ *Иков В. К.* (псевд. *В.Миров*) (1882-1956) - социал-демократ, меньшевик. Литератор. В социал-демократическом движении с 900-х гг. Сотрудничал во многих меньшевистских изданиях. Неоднократно подвергался репрессиям со стороны царского правительства и в советское время. В период войны оборонец. После Октябрьской революции некоторое время работал в редакции Большой советской энциклопедии.

⁶⁰ *Демьянов И. Н.* (псевд. *Кубиков*) (1877-1944) - социал-демократ, меньшевик. Из рабочих. Публицист, литературный критик. В социал-демократическом движении с начала 900-х гг. Сотрудничал в меньшевистской периодической печати. Подвергался репрессиям со стороны царского правительства. В период войны оборонец, активный сотрудник «Призыва» (1915-1917). После Октябрьской революции преподавал в вузах, занимался литературной работой (написал ряд критико-биографических очерков о русских писателях).

⁶¹ *Емельянов И. И.* - рабочий. Социал-демократ, меньшевик. Оборонец. Входил в рабочую группу Центрального военно-промышленного комитета. Член ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов.

⁶² *Трубицын Е. Н.* - социал-демократ, меньшевик. В годы войны оборонец. Член ЦИК Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов.

⁶³ *Югин Ф. А.* (1887-?) - рабочий. Социал-демократ, меньшевик. В социал-демократическом движении с 1905 г., работал в просветительных обществах, профсоюзах и кооперативах. В годы войны оборонец. Член Совета рабочих и солдатских депутатов Петрограда, ЦИКа Всероссийского совета. В 1917 г. входил в руководящие органы РСДРП (меньшевистской фракции).

⁶⁴ Имеется в виду политическая демонстрация 6 декабря 1876 г. в Петербурге у Казанского собора, на которой Плеханов выступил с речью перед собравшимися рабочими. Этот день был принят за начало отсчета его революционной деятельности, юбилеи которой отмечались революционной общественностью в России и за границей.

⁶⁵ *Милюков П. Н.* (1859-1943) - политический деятель, историк, публицист. Один из лидеров партии кадетов.

⁶⁶ *Пуришкевич В. М.* (1870-1920) - политический деятель, депутат Государственной думы трех созывов. Один из лидеров монархистов.

⁶⁷ Плеханов встретился с Милюковым, совершавшим в составе думской делегации поездку по европейским странам, 4 июня 1916 г. в Риме (РНБ. АДП. Ф.1093. Оп.3. Ч.1. Ед.хр.74. А. 91.159 (м\к). Впечатлениями от этой встречи он поделился в письме к Розалии Марковне: «Видел я русских депутатов - Милюкова и Шингарева. Оба производят впечатление очень умных людей. К сожалению, должен заметить, что они культурнее наших товарищей. Встретили они меня очень любезно - особенно Шингарев, который вообще экспансивнее, нежели Милюков. Шингарев все говорил мне: «Ах, как хорошо было бы, если бы Вы были в России!». А Милюков заметил: «Да ведь, я думаю, теперь можно было бы устроить Ваш возврат в Россию». На это я отвечал, что я рад, по амнистии, но не в силу помилования. Он сейчас же согласился с этим. Надо тебе сказать, что Милюков «в натуре» вполне соответствует тому впечатлению, которое у меня о нем составилось. Очень умен, учен, чрезвычайно самоуверен и... суховат. Шингарев экспансивнее; но он просто молится на Милюкова. Отношения между ними, по-видимому, прекрасные» (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед.хр. 71. А. 92.187).

⁶⁸ Описанный Левицким со слов Плеханова факт его посещения Пуришкевичем нашел отражение и в воспоминаниях Розалии Марковны, которая изложила этот эпизод, за исключением некоторых деталей, в тех же подробностях (Плеханова Р.М. Год на родине // Диалог.1991. № 10. С.83).

⁶⁹ *Bissolati (Bissolati) Л.* (1857-1920) - итальянский политический деятель. Один из основателей ИСП и лидеров ее реформистского крыла. С 1897 г. - член парламента. В 1912 г. исключен из ИСП. Возглавил Социалистическую реформистскую партию. В период Первой мировой войны выступал за участие Италии в войне на стороне Антанты. В 1916-1918 гг. входил в правительство.

⁷⁰ *Turati (Turati) Филиппо* (1857-1932) - деятель итальянского социалистического движения. Один из основателей ИСП и лидеров реформизма. В 1896-1926 - депутат парламента. Выступал против участия Италии в Первой мировой войне, за сохранение ее нейтралитета. О двойственной позиции

Турати по отношению к войне см., например: «Призыв» 1916. 29 июля. (№ 44). С. 8.

⁷¹ Кулишова-Турати (*Kuliscioff-Turati*) А. М. (1854-1925) - деятель итальянского социалистического движения. Уроженка России, участник революционного народнического движения. Эмигрировала в конце 1878 г. в Италию. Вместе с мужем, Ф. Турати, основала в 1891 г. социалистический журнал «*Critica sociale*», играла важную роль в основании ИСП.

⁷² Имеется в виду сформулированный в документах Циммервальдского объединения (1915-1917) основной тезис о необходимости заключения всеобщего мирного договора без аннексий и контрибуций.

СОДЕРЖАНИЕ

Мыслитель, революционер, политик (А. А. Чернобаев).....	3
Обращение (К. Бато-Плеханов).....	4
Дом Плеханова: 1928-1998 (Т. И. Филимонова).....	5
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ	
«Задача наша трудная». Переписка Н. С. Русанова, 1898-1907 гг. (О. С. Кашавцева).....	12
К БИОГРАФИИ Г. В. ПЛЕХАНОВА	
«Мне не раз приходилось слышать Плеханова...». Из воспоминаний В. О. Левицкого (М. В. Пронина).....	25
«В трофейных фондах выявлены...». Материалы и документы ЦХИДК о Г. В. Плеханове (С. С. Попова).....	51
ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ	
«Политическое положение очень скверно». Письма Ю. О. Мартова к Г. В. Плеханову. 1906 г. (Н. А. Казарова).....	62
«Поговорить с Вами является для меня не только желанием, но и потребностью». Письма А. И. Балабановой к Г. В. Плеханову. 1906-1914 гг. (М. В. Пронина).....	72
«Сердце тянет туда, где русский дух, где Русью пахнет». Письма Ф. И. Дана к В. И. Засулич. 1907-1916 гг. (Т. А. Богданова).....	112
«Необходимо противопоставить революционной фразеологии - революционное мировоззрение». Переписка А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914-1918 гг. (Т. И. Филимонова).....	149
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ	
Из семейной хроники Плехановых. 1924-1935 гг. (Д. А. Аманжолова).....	169
«Желание быть полезным стране». Письмо академика П. П. Маслова И. В. Сталину. (Т. И. Филимонова).....	173
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	
«Я глубоко страдаю за французский народ». Дневниковые записи Р. М. Плехановой. 1939-1941 гг. (Н. А. Санников).....	179
ИЗ ИСТОРИИ ДОМА ПЛЕХАНОВА	
«На мою долю выпал счастливый лотерейный билет». Воспоминания Е. С. Коц (И. В. Смирнова).....	207